

Петровский С. В., свящ. По поводу одного письма в «Автобиографических записках» Саввы [Тихомирова], архиеп. Тверского: (Первая ревизия Уфимской епархии епископом Никанором [Бровковичем] в 1877 г.) // Богословский вестник 1904. Т. 1. № 2. С. 336–352 (2-я пагин.). (Окончание.)

ПО ПОВОДУ ОДНОГО ПИСЬМА ВЪ „АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАПИСКАХЪ“ САВВЫ, АРХІЕП. ТВЕРСКАГО ¹⁾.

(Первая ревизія Уфимской епархіи епископомъ Никаноромъ въ 1877 г.)

„Опытъ показалъ мнѣ,—писалъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, К. П. Побѣдоносцевъ епископу Уфимскому Никанору 7 января, 1882 года,—цѣну многихъ доносозъ и безименныхъ записокъ: если вѣрять имъ и погрузиться въ море сплетенъ, безразлично въ нихъ помѣщаемыхъ, то пришлось бы всѣхъ безъ исключенія дѣятелей признать черными и преступными людьми“. Эти слова были написаны по поводу, полученнаго Г. Оберъ-Прокуроромъ, анонимнаго доноса на Уфимскаго епископа. Доносъ обвинялъ послѣдняго въ гнѣвливости, издѣвательствѣ надъ духовенствомъ, въ грозныхъ ревизіяхъ при обзорѣни епархіи, въ отдачѣ священниковъ подъ судъ по малѣйшему нерасположенію, въ незаконныхъ переводахъ съ мѣста на мѣсто, въ корыстолюбіи, злоупотребленіи суммами, во взяточничествѣ и т. п. Привожу изъ него первую часть, разбирающую обвиненія въ „гнѣвливости, издѣвательствахъ надъ духовенствомъ и въ грозныхъ ревизіяхъ при обзорѣни епархіи“.

„Святой апостолъ Павелъ, пишетъ преосвященный Никаноръ, заповѣдуетъ и святѣйшій Синодъ въ своемъ посланіи внушаетъ епископу: „засвидѣтельствуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ“. Я усиливался всегда исполнять эту священную заповѣдь, по мѣрѣ моего умѣнія, по природнымъ условіямъ моего холерико-сангвиническаго характера.

По, напередъ всегда объявляемой, одной и той же про-

¹⁾ Окончаніе. См. Богословскій Вѣстникъ, Январь 1904 г.

граммѣ въ свои ревизіи Уфимской епархіи я посѣтилъ всѣ монастыри и приходы (кромѣ одного, залитого во время ревизіи 15 верстнымъ разливомъ); обозрѣлъ всѣ кромѣ одной церкви, молитвенные дома и почти всѣ часовни, (лежавшія на пути всѣ до одной). Посѣтилъ почти всѣ въ селахъ кладбища и многія въ деревняхъ, всѣ какія лежали по пути; посѣтилъ всѣ открытыя по пути, во время моей поѣздки училища, всѣ больницы, всѣ остроги, въ острогахъ всѣ камеры одиночныя и общія, карцеры, кухни, тюремныя церкви и молитвенныя камеры. Въ каждой церкви неотложно обозрѣваю всю утварь: мирницы, крестильные ящики, дарохранительницы, всякій шкафъ и комодъ, въ комодѣ всякій ящикъ, церковную бібліотеку, старостинскій ящикъ, неотложно. При церквахъ вхожу во всякую кладовую и сторожку; всякую церковь обхожу кругомъ, сперва внутри, обозрѣвая св. иконы, шкафы и проч., а затѣмъ и снаружи, обозрѣвая внѣшній видъ церкви, могилы, посадку деревъ и проч. Посѣтилъ почти всѣ сторожки и во дворахъ церковныхъ. Посѣщая всѣ открытыя по пути училища, одно даже языческое (лучшее многихъ христіанскихъ, даже по знанію христіанства), я переспросилъ почти всѣхъ учениковъ и ученицъ или въ училищахъ, или въ церквахъ и на полянахъ (при встрѣчахъ). Кромѣ того въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ (при встрѣчахъ) переспросилъ очень много, цѣлыя тысячи дѣтей (отъ 8 до 16 и выше лѣтъ) обоего пола. Посѣтилъ всѣхъ (за весьма немногими, намѣренными исключеніями) священниковъ, многихъ діаконовъ, псаломщиковъ и просвиренъ, почти всѣхъ добропорядочныхъ учителей и учительницъ, многихъ сельскихъ старшинъ, церковныхъ старость и благотворителей храмовъ и училищъ. Во всѣхъ селахъ и деревняхъ (по пути, при встрѣчахъ) благословлялъ истовымъ крестомъ всѣхъ, до единой души, старыхъ и малыхъ и младенцевъ грудныхъ, такъ что приходилось стоять, только благословляя народъ, особенно при освященіяхъ церковей, не одного прихода, а цѣлой окрестности, не двигаясь съ одного пункта, по цѣлымъ часамъ, при освященіяхъ церковей послѣ 4-хъ часоваго священнодѣйствія; думаю, что, благословляя отдѣльно каждого, благословилъ не только многія сотни тысячъ, но и больше.

Въ каждой деревнѣ, при встрѣчѣ выхожу къ народу не-

отложно, не смотря на грязь, на дождь, слякоть, грозу и холодъ. Всегда, при встрѣчѣ кланяюсь выносивой святынь, цѣлую хлѣбъ-соль и, преподавъ общее благословеніе, спрашиваю всѣхъ, всегда заблаговременно выдвигаемыхъ впередъ, дѣтей. При этомъ знаніе вѣры оказывалось почти всегда ниже всякой воображаемой степени. Тѣхъ же дѣтей всегда здѣсь распрошу, учить ли ихъ, спрашиваетъ ли о чемъ-либо, объясняетъ ли что-либо батюшка-священникъ. Дѣти почти всегда выкладываютъ истину, на чистоту. Затѣмъ бесѣдную со старшими, преподаю всѣмъ до единого архіерейское благословеніе, если вблизи,— посѣщаю деревенское кладбище и отбываю въ путь. Уже по деревнямъ, еще не въѣзжая въ село, знаю всегда, каковъ священникъ по дѣятельности, по учительству. О нравственныхъ недостаткахъ священника не только не поднимаю вопроса, но стараюсь даже по возможности замаять, иногда возбуждаемый народомъ, разговоръ. Тѣмъ не менѣе нерѣдко приходится выслушивать настойчивыя просьбы, даже рѣзкія заявленія народа и объ этомъ не веселомъ предметѣ. Если въ деревнѣ имѣется часовня и встрѣча чинилась за околицею, иду съ народомъ пѣшкомъ въ часовню, въ преднесеніи, изнесенной на встрѣчу, святыни. При этомъ случалось по обѣимъ сторонамъ иногда большихъ деревень подойти къ каждому столику, стоящему у каждаго воротъ, облобызать положенную на немъ святыню и хлѣбъ-соль и преподать вышедшимъ изъ каждаго дома архіерейское благословеніе. Если встрѣча чинится у часовни, лобызаю святыню, хлѣбъ-соль, разспрашиваю дѣтей (это неотложно) и вхожу въ часовню. Если имѣется священникъ, поется входная литія. Если священника не имѣется на лицо, поемъ сами со свитою тропарь празднику, царскій тропарь, „Отче нашъ“, символъ вѣры, въ пасхальное, до вознесенія, время пасхальныя стихиры и т. п. Въ селахъ, если народомъ встрѣча чинится за околицею, совершивъ по возможности, по условіямъ мѣста все вышеописанное, иду пѣшкомъ, по всему селу, въ преднесеніи, изнесенной на встрѣчу, святыни, иногда съ пѣніемъ священныхъ пѣсней, почти всегда напередъ распросивъ дѣтей, при встрѣчѣ. Если народная встрѣча дѣлается у вратъ церковныхъ (большею частью), лобызаю вынесенную святыню и хлѣбъ-соль и преподавъ общее благословеніе, почти всегда бесѣдную съ дѣтьми и затѣмъ уже

вступаю въ храмъ. Въ храмѣ слушаю входную литію, при удобствѣ слушаю какую-либо службу церковную,—утреню, обѣдню, панихиду, молебствіе. Въ алтарѣ преподавъ благословеніе причту, пѣвцамъ, старостѣ, попечителямъ, осматриваю св. алтарь подробно, начавъ отъ центра, отъ св. престола по периферіи стѣнъ, всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, справа налѣво, противъ солнца. При этомъ раскрою каждый шкафъ, загляну въ каждую амбразуру въ стѣнахъ или иконостасѣ, выдвину каждый ящикъ, погляжу и подъ одеждою престола и жертвенника, осмотрую, подержу въ рукахъ всякую священную утварь, всякое кадило, всякій стеклянный пузырекъ, всякую губку, платочекъ, полотенце и т. п. При такомъ порядкѣ обзора отъ опытнаго взгляда можетъ ускользнуть весьма и весьма небольшое.

Вотъ здѣсь уже и начинается то, что анонимъ называетъ „публичнымъ издѣвательствомъ надъ нелюбимыми священниками“, а „Уфимскій священникъ“, корреспонденція котораго приводится Преосвященнымъ Саввою,—описываетъ словами: „поповъ въ храмѣ въ присутствіи прихожанъ, съ крикомъ и топаньемъ, обзываетъ дураками, мерзавцами, ослами и пудовшниками“. Это началось съ перваго года моего здѣсь пребыванія и продолжалось включительно до послѣдняго 1881 года, въ разъ принятомъ, еще не ослабѣвающимъ порядкѣ. По этому анонимъ не точенъ: нелюбимыхъ священниковъ у меня нѣтъ, съ первыхъ годовъ нельзя было ими и обзавестись. Начинаются замѣчанія всѣмъ, въ чемъ либо неисправнымъ. Въ первые три года я самъ все это собственноручно тутъ же въ алтарѣ и въ церкви и записывалъ, въ свою памятную книжку, а въ послѣдніе два года записывалъ главнѣйшее старшій спутникъ мой. Вотъ причту церковному, священникамъ впервыхъ говорится: „небрежно креститесь“ (если что-либо подобное, а очень часто, замѣчается) „неправильно благословяете, не такъ кланяетесь. Зачѣмъ у васъ прическа косымъ приборомъ? За свѣтскостью гоняетесь. Нарукавники рубашки спрячьте. Воротнички-то зачѣмъ выставили! Запрещено еще указомъ Императора Александра I-го. Да и модная шляпа-цилиндръ валяется на окнѣ. Да кажись подъ епитрахилью и ряса на распашку“ (бывало и это) и проч. Въ мирницѣ, въ переносной дарохранительницѣ, въ крестильномъ сосудѣ замѣчается иногда

то, что замѣтилъ еще Димитрій Ростовскій; все это выставляется настоятелю на видъ и записывается. „Не такъ ризы сложены“, говорится и пишется,—„отъ этого онѣ скоро загнивають. Запасные св. сосуды не поставлены, а положены подъ подоломъ ризъ, подризниковъ“ и проч. „Пѣнія никакого: поетъ одинъ причетникъ. Въ богослуженіи дѣлаются такія то ошибки“ и т. п. Конечно хорошее, добропорядочное, прекрасное, достоподражаемое называется по имени и отмѣчается всегда съ такою же фотографическою точностью.

Обозрѣвъ алтарь и поклонившись престолу Господню, выхожу предъ иконостасъ. Здѣсь, поклонившись святынь и преподавъ общее благословеніе всѣмъ предстоящимъ, вступаю въ среду дѣтей, всегда заблаговременно выстроенныхъ впереди народа, дѣтей не учившихся (отдѣльно) и учившихся въ училищахъ, мальчиковъ и дѣвочекъ. Первымъ долгомъ заставляю читать молитвы. Оказывается нерѣдко, что неучившіеся въ школахъ не знаютъ никакой молитвы, ни даже „во имя Отца“..., чаще всего знаютъ одну „Богородицу“. При этомъ даже у тѣхъ, которые читаютъ ту или другую молитву, разумѣнья большею частью никакого, при всѣхъ моихъ усиліяхъ добиться такового. Спрашиваю всегда: „видѣли-ль образъ Иисуса Христа, Богородицы, Святителя Николая“? Слишкомъ часто получается отвѣтъ: „не видали“, и оказывается, что дѣйствительно не видали. „Какой вы вѣры, въ кого вѣруете“? Случалось получать отвѣты: „сухаревской“ (по селу, „ивановой“) (по отцу), „нирской“, „мірской“, даже „никакой“, „не знаю“, не часто — „русской“, рѣдко—„христіанской“, слишкомъ рѣдко — „православной“. „А эти вотъ (крещенные татары) какой вѣры, нашей или не нашей“? Почти всегда отвѣтъ: „не| нашей, крещенской“. „Почему же не нашей“? — Даже старики отвѣчали: „да, у нихъ все иное“. Отъ учениковъ училищъ отвѣты получаютъ всегда болѣе или менѣе разумные, въ разныхъ степеняхъ однакоже, въ инородческихъ миссіонерскихъ училищахъ почти всегда далеко лучшіе отвѣты, чѣмъ въ лучшихъ русскихъ. А случалось не одинъ разъ, что и ученики училищъ не могутъ отличить образъ Христовъ отъ образа Святителя Николая. По испытаніи дѣтей среди церкви, всегда поднимаюсь на солею и объясняю народу: „такъ вотъ видите, что и какъ дѣти ваши знаютъ“. И все это до буквы дѣтскихъ

отвѣтовъ отмѣчается въ записной моей книжкѣ, такъ что изъ моихъ путевыхъ записей, сведенныхъ во едино, у меня выросло цѣлыхъ пять томовъ. Чтеніе ихъ поразительно. Священники часто тутъ только узнаютъ, чего ихъ прихожане не знаютъ и что знаютъ (иногда легендарные стихи)... Затѣмъ съ высоты соли начинаю съ дѣтьми читать диктантомъ символъ вѣры (который знаютъ изъ неученыхъ дѣтей не многіе), или молитву Господню, или десятословіе (десятословіе въ этомъ краѣ народу совсѣмъ почти неизвѣстно)... Затѣмъ, преподавъ архіерейское благословеніе отдѣльно всѣмъ до единой души, всегда иду отъ лѣваго клироса вокругъ церкви, около стѣнъ церковныхъ. „Вотъ убогая плащаница въ разбитомъ ящикѣ. Вотъ плащаница прибита на уголь окна, неблаголѣпно... Библіотека церковная слишкомъ далека отъ желаемаго: догматики, церковной исторіи никакой, катихизиса, книги правилъ нѣтъ, апологетическихъ книгъ ни слѣда (почти нигдѣ, не смотря на мои настоянія); въ великолѣпномъ переплетѣ красуется церковно-общественный вѣстникъ, даже біблія нѣтъ (бывало и дома у священника нѣтъ, и въ церкви нѣтъ). Спрашиваю тутъ же стоящаго священника: „не читаете бібліи, никогда она вамъ не понадобилась?“ Отъ одного ученаго священника получилъ отвѣтъ: „не читаю, глаза болятъ“; чрезъ два года на вопросъ: „а что теперь успѣли почитать біблію?“—получилъ отъ него же отвѣтъ: „мнѣ доктора запрещаютъ читать, глаза слабы“; затѣмъ, поправившись, прибавилъ: „новый завѣтъ читалъ“. Пока еще этотъ странный пастырь остается на томъ же прекрасномъ, но совершенно запущенномъ, приходѣ. Очень часто въ бібліотечномъ дѣлѣ священники, даже изъ семинаристовъ, обнаруживаютъ полнѣйшую несостоятельность. Разосланная мною по всѣмъ церквямъ, священная исторія протоіерея М. И. Богословскаго не рѣдко стоитъ не разрѣзанная. Однажды спрашиваю почтеннѣйшихъ ученыхъ настоятеля и его помощника въ богатѣйшей церкви: „Вы получили исторію о. протоіерея Богословскаго“?—„Нѣтъ, не получали“. — А я вынимаю ее изъ бібліотечнаго шкафа, гдѣ она стояла на самомъ виду, въ новомъ блестящемъ переплетѣ и подставляю подъ глаза настоятеля и его помощника. Въ другомъ мѣстѣ спрашиваю толковаго, но не ученаго священника: „отчего же вы не

разрѣзали исторіи Богословскаго? Она вамъ прислана, чтобъ вы читали ее сами и народу, и толковали“ и получаю отъ священника отвѣтъ: „не призналъ нужнымъ“.

Приступаемъ къ старостинскому ящику. Староста не видалъ старостинской инструкціи (очень часто и въ первую мою ревизію постоянно). Устройство ящиковъ неправильное, опечатаніе невѣрное, иногда и вовсе не имѣется печати тамъ, гдѣ слѣдуетъ. Благочинный, мѣстный священникъ и староста здѣсь же, при народѣ объясняютъ совершенно наивно и резонно, не понимая важности своихъ признаній, что всѣ деньги (свѣчныя, кошелековыя, изъ разнородныхъ кружекъ) у нихъ собираются и складываются въ одно мѣсто, а потомъ помѣсячно (или въ концѣ года) росписываются и раскладываются по разнымъ статьямъ. Случалось уличать (очень рѣдко), что мѣсячной повѣрки и не бываетъ. Не рѣдко деньги тутъ же въ ящикѣ у старосты и хранятся, а не въ особой крѣпкой кладовой, по правилу. Случалось находить наличность не согласной съ записью, находить деньги подъ ключомъ только старосты, въ неопечатанномъ ящикѣ (все равно, что у него въ карманѣ), находить подъ ничтожнымъ запоромъ большія суммы, до 2000 рублей. А благочинный, причтъ и староста тутъ же при народѣ защищаются, даже спорятъ, отстаиваютъ свои безпорядочные порядки: „у насъ всегда такъ“. — „Да поймите же, говоришь имъ, не всѣхъ же васъ отдавать подъ судъ“. Эта фраза такъ часто повторялась мною вездѣ, что газетная сплетня переименовала ее, будто бы въ мою постоянную угрозу: „отдать всѣхъ подъ судъ“. Въ послѣднюю ревизію нашелъ разъ въ старостинскомъ ящикѣ цѣлый складъ (около 13 фунт.) поддѣльныхъ свѣчей и ни одной изъ церковно-епархіальныхъ складовъ. Это бываетъ и въ другихъ церквяхъ, несмотря на всѣ предписанія епархіальнаго начальства и настоянія епархіальныхъ съездовъ. Вотъ сундуки стоятъ въ церкви (не рѣдко); велю раскрыть, — тамъ иногда непотребный хламъ: „зачѣмъ тутъ это, зачѣмъ то“!? Проникаю въ сторожку; она иногда хуже гроба, и тутъ вижу сторожа, изнывающего въ лихорадкѣ. Вотъ обошли церковь внутри кругомъ. Всегда послѣ этого, становясь на солѣхъ, дѣлаю общій отзывъ объ учительствѣ священника (никогда о нравственныхъ недостаткахъ), о развитіи дѣтей, объ отпращиваніи бого-

служенія, о пѣніи, о храненіи суммъ, о благолѣпіи храма. Худое называю по имени, также какъ и хорошее, конечно въ умѣстныхъ выраженіяхъ. Находя и хвала хорошее, случалось, и самому приходитъ въ умиленіе и людей приводить въ восторгъ.

По выходѣ изъ церкви всегда идемъ вокругъ ея, осматривая внѣшне благолѣпіе, а главное могилы, которыя имѣются почти у всякой церкви. Дѣлаю допросъ: „кто и когда здѣсь погребенъ“? Законъ, запрещающій хоронить кого бы то ни было, кромѣ священника и храмоздателя, благочестно жившихъ, здѣсь до меня былъ забытъ для всѣхъ выдающихся покойниковъ. — „Здѣсь, отвѣчаютъ, — такой-то крестьянинъ“. — „Даль что либо“? — „10 рублей“. — „А здѣсь“? — „Дворовая (изъ барскаго двора) дѣвушка“. — „А здѣсь“? — „Младенецъ-дитя доктора“. — „Зачѣмъ же его вы тутъ похоронили“? — „Нельзя было отказать“. — „А законъ для васъ не значитъ ничего? Его нарушать можно“? — „А здѣсь“? — „Мои дѣти“, — отвѣчаетъ спокойно священникъ. — „Да чѣмъ же ваши дѣти, — говоришь ему тутъ же, — заслужили такую честь? Да отчего жъ вы такъ нѣжны къ своимъ плотскимъ дѣтямъ, когда вашихъ духовныхъ дѣтей такой чести не удостоиваете? Оттого ваши кладбища и представляютъ часто нѣчто возмутительное, — вы ими брезгаете для вашихъ собственныхъ даже младенцевъ“. И это повторяется даже послѣ объявленія указа, послѣ стократныхъ моихъ настояній. Въ послѣднее время за упорство въ этомъ отношеніи мы стали уже штрафовать, но ни одному еще изъ штрафованныхъ не вписали штрафъ (хотя и предостерегали официально, что къ этому придется прибѣгнуть) по этой статьѣ въ штрафную графу послужнаго списка. Причты обременяютъ меня телеграммами: „разрѣшите похоронить въ церковной оградѣ такого-то, или такую-то. Разрѣшите похоронить мою мать, мою жену“. Молчу, не отвѣчаю. „Разрѣшите похоронить мою сестру и т. д. псаломщикъ такой то“ (т. е. пономарь прежнихъ лѣтъ). Я отвѣчаю: „какую услугу принесла церкви Божіей ваша сестра? Запрещается“.

Запешши, если имѣется въ надворную сторожку и оглядѣвъ оную, идемъ въ училище, если открыто (въ іюнѣ—іюлѣ училища закрываются). При входѣ поемъ молитву съ учениками, если умѣютъ, и безъ нихъ, если не умѣютъ.

Спрашиваемъ почти всѣхъ учениковъ до единой души, иногда и по нѣскольку каждаго разъ. Училища почти всегда служили облегченіемъ, не рѣдко высокимъ утѣшеніемъ удрученнаго духа, особенно же миссіонерскія, инородческія. Эти послѣднія почти всегда знаютъ все нужное, иногда даже сверхъ-должное, пѣть всегда умѣютъ, иногда отлично, поютъ наизусть цѣлые каноны по-русски и по-татарски; какъ зовутъ царствующаго Государя, знаютъ твердо, что не всегда можно сказать о русскихъ училищахъ, а ставить этотъ вопросъ объ имени царствующаго Государя, неучащимся русскимъ дѣтямъ, было бы только удручающею жалостью, если не кощунствомъ: обыкновенно не знаютъ. Въ русскихъ школахъ приводилось видѣть законоучителей убогихъ (изъ кончившихъ курсъ въ семинаріяхъ), а свѣтскихъ учителей, намекающихъ на нигилистовъ, находить знаніе слабое, пѣнія никакого, постановку учениковъ и училища совсѣмъ не желательною. Зло страшное, угрожающее многому. Между тѣмъ видишь, что законоучителю нечего и толковать, не понимаетъ, не предчувствуетъ зла. Иные законоучители отдали преподаваніе закона Божія своимъ сыновьямъ, совсѣмъ не благонадежнымъ. Иные упорно цѣлые годы не посѣщаютъ училища, не смотря на жалобы учебнаго вѣдомства и настоянія епархіальной власти. Я засталъ здѣсь еще и то, что приходскіе священники категорическими заявленіями отказывались отъ должности законоучителя: „не желаю и прошу меня уволить“. Теперь имъ крѣпко поставлено на видъ, что кто не хочетъ быть законоучителемъ, тотъ не можетъ быть и приходскимъ священникомъ. Въ первую мою ревизію одинъ благочинный доказывалъ мнѣ при народѣ, что учить народъ вѣрѣ приходскій священникъ не можетъ и не обязанъ, у него есть другія обязанности, а для обученія народа нужны особые миссіонеры. Тогда я это выслушалъ первый и послѣдній разъ. Теперь всякаго ставленника-священника у престола Божія заставляю читать послѣднее зачало Евангелія отъ Матѳея: „шедше научите вся языки“ и толкую всѣмъ, что первая изъ трехъ обязанностей пастыря—учить.

По выходѣ изъ училища, посѣтивъ учителя или учительницу (если добрые), идемъ, или чаще ѣдемъ (на простыхъ телѣгахъ) на сельское кладбище. Здѣсь опять, пока не при-

глядѣлся, бывалъ изумленъ и пораженъ. Кладбища нерѣдко расположены среди села, между избъ, между гумень, между огородовъ, по обѣимъ сторонамъ вьющейся проѣзжей дороги, у буераковъ, чуть не въ самыхъ буеракахъ (даже болотныхъ). Иногда и тропы къ нимъ нѣтъ. Подъѣздъ нерѣдко заваливается навозомъ, разнообразною падалью и всякимъ безобразіемъ. Сперва почти всѣ кладбища были не огорожены. По моимъ настояніямъ чрезъ гражданскую власть ограда, часто самая первобытная изгородь, ставится прихожанами, непривычными къ этому, такъ не охотно и небрежно, каждымъ хозяиномъ по отдѣлу въ сажень, или двѣ, что мы сами просто рукою наклоняли такую изгородь до земли. У самыхъ воротъ кладбища—навозъ, на кладбищахъ на нашихъ глазахъ рожутся свиньи, оставляя тутъ же свои отбросы. Я говорю причту и народу: „у мусульманъ есть самое хульное ругательство или проклятіе“: „наплевать на могилу твоего отца“, а у насъ, а у васъ? Свиньи бродятъ по могиламъ вашихъ отцовъ и поступаютъ, какъ свиньи“. Возвышенія надъ могилами не дѣлаются. Обыкновенно, покойникъ небрежно забрасывается землей, а чрезъ полгода гробъ и могила проваливаются, и надъ гробомъ всегда образуется впадина, въ ней же и валяется всякій соръ. Чрезъ другіе полгода могила зарастаетъ и слѣдъ ея простылъ. Явленіе постоянное, что живые не знаютъ, гдѣ похоронены ихъ дѣды, отцы, матери, братья, сестры, дѣти, даже супруги. „Какъ-же,—говоришь,—помолиться на могилахъ, помянуть покойниковъ, когда вы не знаете, гдѣ ихъ могилы“?—„Да тамотко, гдѣ то“, отвѣчаютъ. Или: „могила перепахана, перерыта. Да и сколько уже тутъ заложено“. Кладбища бываютъ небольшія, рѣдко поросшія лѣсомъ, никогда обсаженныя намѣренно. Кресты въ большинствѣ не ставятся, или ставятся въ поларшина отъ земли, въ большинствѣ въ аршинъ и немного выше, въ ростъ человѣка рѣдко. Три года къ ряду я со свитою, собственными руками, на каждомъ кладбищѣ, изъ приготовленнаго дерна дѣлали по одной могилѣ (могильный холмъ). Затѣмъ всѣмъ соборомъ всегда пѣли малую литію надъ сдѣланною собственноручно, могилкою. Но грустно было видѣть при вторичныхъ посѣщеніяхъ сохранившеюся только ту же самую, сдѣланную нашими руками, могилу и почти ни слѣда подражанія. „Да отчего вы сами не дѣ-

лаете, говоришь тутъ же священнику, — вѣдь это еще язычники дѣлали, отъ нихъ и названіе „могильный холмъ“; древніе христіане также дѣлали? Я и не воображалъ никогда подобныхъ кладбищъ и могилокъ, пока не увидѣлъ“... „Отчего же вы ихъ не учите?“ — „Да, заставишь ихъ“, отвѣчаетъ священникъ, — „говоришь, да коли не слушаются“. — „Вижу, что не слушаются. И меня архіерея не послушались“. И уходишь съ тягостнымъ впечатлѣніемъ нравственнаго безсилія. Огородить кладбища заставили только черезъ гражданскую власть. Жаль только, что теперь и полицейская власть теряетъ прежнюю силу, начиная опираться, особенно въ нашихъ церковныхъ дѣлахъ, почти единственно на нравственно-полицейское вліяніе. Прежняя полицейская палка, или розга сданы въ архивъ и полицейская гроза пронеслась тучею, оставляя по себѣ не ясное небо, а какой то надвигающійся, пугающій хаосъ чего то грядущаго грознаго. Такимъ образомъ, наши собственноручныя насажденія христіанскихъ могилокъ почти нигдѣ и не привились. А языческой мѣстный, впрочемъ не повсюдный, обычай врывать въ могилу носилки, на которыхъ принесенъ мертвецъ, конечно не исчезъ; между тѣмъ какъ отъ этихъ носилокъ, врытыхъ въ каждую могилу, кладбище представляетъ какой то чуждый, не христіанскій и грязный видъ.

Затѣмъ, по возвратѣ въ село, посѣтивъ почти всегда дома нисшаго причта, до просвирень включительно, занимаюсь въ домѣ священника, при пособіи старѣйшаго спутника, разсмотрѣніемъ мѣстныхъ церковныхъ документовъ, приходорасходныхъ, метрическихъ, обыскныхъ книгъ, исповѣдныхъ росписей и лѣтописей. Въ нихъ почти всегда оказывается не мало недостатковъ, которые тутъ же и вписываются въ наши путевыя записи и объясняются причту. Въ лѣтописяхъ, особенно въ первые годы, я собственноручно отмѣчалъ выдающіяся черты обзорнаго прихода. При прощаніи съ мѣстомъ и домомъ, въ присутствіи свиты, мѣстнаго причта и старосты я опять высказываю въ общихъ чертахъ впечатлѣніе, какое уношу. Затѣмъ молимся Богу и выходимъ къ народу на дворъ. Тамъ опять говоримъ прощальныя слова народу, слова послѣдняго наученія и указація, какъ достоинствъ прихода, такъ и недостатковъ, какіе

подлежать исправленію, при содѣйствіи прихода... Затѣмъ, преподавъ общее всѣмъ и частное старѣйшимъ, архіерейское благословеніе, отбываемъ въ дальнѣйшій путь.

При этомъ бываетъ еще, что прихожане выступаютъ на причты съ жалобами, иногда довольно жесткими, которыя больше или меньше приходится разбирать тутъ же на мѣстѣ (чтобы уразумѣть, какое дать направленіе дѣлу), или при закрытыхъ дверяхъ, или открыто, на площади, гдѣ говорятъ съ нами всѣ старѣйшіе въ приходѣ. Въ пять лѣтъ было не много такихъ случаевъ, но бывали. Еще: когда узналъ я о повальномъ здѣсь недостаткѣ не самоличнаго священниками отпѣванія умершихъ, съ устраненіемъ даже понятія обязательности точнаго по правилу церкви исполненія обряда похоронъ, я сталъ спрашивать прихожанъ и по этому предмету, особенно по деревнямъ, въ отсутствіи причта. Отвѣты прихожанъ бываютъ разные, но крайне рѣдко, что священникъ хоронитъ всѣхъ самолично. Иногда же получаютъ отвѣты пренаивные, тѣмъ не менѣе для священниковъ непріятные. Вотъ инородцы, крещеные татары отвѣчаютъ всенародно: „нѣтъ, нѣтъ, нашъ бачка добрый, не стѣсняетъ. Спасибо. Самъ, говоритъ, зарывай. Мы сами и зарываемъ. А затѣмъ идемъ къ нему, онъ и отпѣваетъ“. Бывали и обратнаго характера грустные отвѣты русскихъ, особенно же въ отдаленныхъ отъ церкви деревняхъ: „гдѣ же священника взять? Лошадь, говоритъ, приведи. Туды, къ нему съѣзди 30 верстъ, оттуда до дому 30, да священника назадъ отвези 30, да самъ воротись 30 верстъ. Да онъ и не поѣдетъ за такимъ дѣломъ, въ такую даль. Вотъ и хоронимъ“. При этомъ грустно машутъ руками на лѣсъ. Бывали и такія жалобныя заявленія, особенно отъ починковцевъ, что они привозятъ покойниковъ въ село, но и мѣстные прихожане не пускаютъ на свое кладбище, и священникъ не хоронитъ, говоритъ: „не мои прихожане, еще отвѣчать за васъ придется“. Одинъ изъ такихъ заявилъ всенародно, что привозилъ такъ пять чело-вѣкъ умершихъ дѣтей, и священникъ ни одного не похоронилъ, почему несчастный отецъ и зарылъ ихъ въ лѣсу.

Подобныя же признанія прихожанъ, или нарочитыя заявленія бываютъ на счетъ рукоблагословенія, исповѣди, посѣщенія домовъ и деревень съ крестомъ. „Нѣтъ, нашъ батюшка никого не подпускаетъ къ рукѣ (не благословляетъ

рукою),... не подпускаетъ къ исповѣди (отъ крайняго многочисленнаго прихода): такъ многіе и померли, ни разу въ жизни не исповѣдавшись“. Дѣти лѣтъ 14—15 заявляютъ: „не бывали у исповѣди“.—„Отчего не бывали, не хотѣли?“—„Нѣтъ, не водили, такъ и не бывали“. Въ 1879 году въѣзжаемъ въ деревню такого то прихода, въ первой по пути деревнѣ дѣти и отцы заявляютъ: „батюшка (кончившій курсъ въ семинаріи) никого ничему не учитъ, не спрашиваетъ, да и въ деревнѣ не бываетъ“. Черезъ два года въѣзжаемъ въ тотъ же приходъ съ другой стороны, черезъ другую деревню, но и тутъ дѣти и отцы заявляютъ: „никого ничему батюшка не учитъ, ничего не спрашиваетъ, да и въ деревнѣ не бываетъ. Съ пасхи не былъ. На пасху пріѣзжалъ съ крестомъ, за сборомъ“.

Этимъ не оканчивается ревизія прихода. Отъ каждаго приходскаго священника, согласно напередъ печатаемой программѣ, требуется и получается историческая записка съ статистическими свѣдѣніями о числѣ прихожанъ, родившихся, бывшихъ у исповѣди и св. причастія, раскольниковъ, отпавшихъ и т. д. Въ этихъ запискахъ иногда въ свою очередь открываются поразительныя вещи, напр.: что число не бывшихъ у исповѣди превышаетъ число прихожанъ, что исповѣдуются только одна тридцатая, даже одна 50-ая часть всего прихода, или напр. что исповѣдались всѣ, вещь совершенно невѣроятная, по свѣдѣніямъ изъ окружающихъ приходоѡ.

Затѣмъ слѣдуетъ разсмотрѣніе, уже по прибытіи домой, въ епархіальный городъ, всѣхъ моихъ путевыхъ замѣтокъ и сведеніе ихъ въ одну, впрочемъ, домашнюю записку. О крупныхъ явленіяхъ, хорошихъ ли, худыхъ ли даются предложенія консисторіи. Иногда въ выдающихся случаяхъ посылаются предложенія въ консисторію еще съ пути. О недостаткахъ въ документахъ подаются въ консисторію особые рапорты старѣйшаго изъ моихъ спутниковъ, на основаніи путевыхъ записей, иногда съ представленіемъ въ консисторію самыхъ документовъ, особенно не исправныхъ. Въ первые годы я довольствовался словесными вразумленіями, а затѣмъ убѣдился, что нѣтъ, слова часто теряются совсѣмъ безплодно, почему о выдающихся недостаткахъ сталъ вчинать и официальную переписку.

Не безъ основанія замѣтивъ, что такая ревизія для ревизуемыхъ грозна, анонимъ выпустилъ изъ виду то, какъ и для ревизующаго она тягостна. Къ концу дня, проѣзжая иногда до 100 и больше верстъ, иногда по не-проѣзжимъ или вновь, для насъ продѣланнымъ, дорогамъ, простоявъ на ногахъ много часовъ, отстоявъ нѣсколько священнодѣйствій въ церквахъ, часовняхъ, на кладбищахъ, собственноручно сдѣлавъ на кладбищахъ нѣсколько могилъ, переспросивъ сотни дѣтей, благословивъ каждаго отдѣльно многія тысячи народа истовымъ крестомъ, вездѣ работая языкомъ и головою, переноса въ церквахъ невыносимую духоту, при хроническомъ пораженіи моей груди энфиземою, совершая самъ архіерейскія священнодѣйствія, чуть не ежедневно, отправляя, при освященіи церкви, пяти-часовыя службы, проходя иногда по селамъ и деревнямъ цѣлыя версты и по нѣскольку верстъ, переиспытавъ иногда не мало неожиданныхъ печальныхъ, возмущающихъ душу, впечатлѣній, къ концу дня ревизующій архіерей оказывается истощеннымъ до изнеможенія. Спихъ на новыхъ непривычныхъ мѣстахъ, страдаю бессонницею отъ нервнаго утомленія; грызутъ насѣкомыя летающія и ползающія, иногда даже никогда прежде не виданныя, каковы большіе черные тараканы; проводишь иногда ночи напролетъ безъ сна, лежишь иногда просто на доскахъ, въ татарскихъ, чувашскихъ избахъ, или тѣснишься ночью въ экипажѣ, въ тарантасѣ, не имѣя даже ночью возможности устранишься отъ дозирающихъ глазъ народа; ѣшь пищу, какую Богъ пошлетъ; пьешь перемѣнную воду, то гнилую, болотную, то пропитанную раздражающими минеральными примѣсями; разстраииваешься во всѣхъ отправленіяхъ: не можешь нигдѣ, ни въ пути, ни въ домахъ улучшить ни минуты спокойнаго уединенія, когда за тобою всюду, даже въ самыхъ сокровенныхъ мѣстахъ, слѣдятъ жадно любопытные глаза; выносишь при этомъ невыносимыя терзанія чувства приличія и отъ всего этого становишься истымъ мученикомъ, переживая минуты, о которыхъ больно вспомнить... Вотъ, проскакавъ съ полночи по большой дорогѣ, заселенной исключительно татарами, 100 верстъ, сворачиваемъ на проселокъ, въ одинъ приходъ, подъ Уфою. Проѣхали верстъ 5; говорятъ: „пожалуйте, нужно выйти изъ экипажа, мостикъ узокъ, четверка лошадей не можетъ пройти, пару надо от-

пречь“. Вышли, версты двѣ прошли, сѣли въ экипажъ, проѣхали столько же. Такая же остановка. Вышли, версты двѣ прошли, хотѣли садиться въ экипажъ. Но говорятъ: „вотъ впереди мельница, тамъ опять мостъ узокъ“. Идемъ до мельницы и дальше. Хотимъ садиться въ экипажъ. Но говорятъ: „вотъ впереди еще узкій мостикъ“. Идемъ, переходимъ мостъ; а далѣе длинный косогоръ,—лучше пройти. А съ сельскаго вала уже народъ глядитъ. Такъ прошли версты шесть. Говорю благочинному: „вы ѣдете впередъ, распорядитесь такъ, что я ѣду сперва прямо въ домъ священника, а чрезъ полчаса приду въ церковь слушать всенощную“. Благочинный уѣхалъ впередъ. Чрезъ нѣсколько минутъ подзываю становаго: „господинъ становой, поѣзжайте пожалуйста впередъ, скажите“... тоже. Уѣхалъ и становой. Предъ самымъ селомъ говорю: „господинъ урядникъ, скажите впередъ и скажите, что я ѣду сперва въ домъ священника, а въ церковь зайду чрезъ полчаса“. Уѣхалъ и урядникъ. Но упрямый ямщикъ-татаринъ подскакиваетъ прямо къ церковнымъ воротамъ. Уставшій ждать, народъ поднимаетъ хлѣбъ-соль, почетнѣйшіе жители подходятъ къ самому экипажу, между ними впереди благочинный. „Господи! Да сказалъ же я вамъ, что я ѣду въ домъ къ священнику, а въ церковь послѣ. Велите ѣхать“. Говорятъ: „капризъ“. Обидѣлись. Тутъ были и свѣтскія лица. А кто меня спросилъ и кому я могъ объяснить, могъ ли я въ эту минуту войти въ церковь. Такихъ случаевъ было со мною два. Одинъ разъ въ подобномъ болѣзненномъ состояніи я провелъ цѣлый день съ утра до вечера. А въ истекшемъ году чуть не померъ отъ крайняго разстройства, какъ нѣкоторые преосвященные архіереи въ подобныхъ условіяхъ и помирали. Я знаю двухъ, такимъ образомъ скончавшихся, преосвященныхъ Филарета Черниговскаго и Неофита Пермскаго и одного священника, ѣздившаго съ архіереемъ. Да и преосвященный Евѣимій Саратовскій разбирался и истекъ геморoidalною кровью въ дорогѣ, а домой прибылъ только умереть.

„Уфимскій священникъ“—анонимный авторъ письма, сохраненнаго преосвященнымъ Саввою тверскимъ, — утверждаетъ: „это самолюбивый и гордый деспотъ, не любящій и не слушающій никакихъ возраженій, вспыльчивый до небрежности“.

Дѣйствительно, онъ былъ бы вѣренъ въ утвержденіи, если бы „я не давалъ всему духовенству слишкомъ много основаній для точныхъ свѣдѣній о моемъ душевномъ характерѣ, о желаніи всѣмъ блага, о стремленіи поднять духовенство, о всяческихъ стараніяхъ загладить случайное печальное впечатлѣніе, о великой щедрости на ласковыя слова и добрыя обѣщанія, о множествѣ случаевъ, когда не ласковыя свои обѣщанія я оставлялъ безъ всякихъ послѣдствій, а добрыя исполнялъ по архіерейской чести, о братскомъ дружелюбіи и ласковости со всѣми по епархіи, не упорствующими въ апатіи, или невѣжествѣ, а такихъ всеже почтенное большинство, о раздаваніи наградъ щедродательною рукою, въ небывалыхъ здѣсь размѣрахъ. Никогда ни дома у себя, ни въ поѣздкахъ по епархіи я не держу священниковъ на ногахъ, когда самъ сижу (съ весьма рѣдкими, намѣренными исключеніями), и всегда требую, чтобы сажались и, сидя, объяснялись со мною. Никогда священниковъ, ни ученыхъ, ни неученыхъ не экзаменую въ знаніяхъ, припоминаю только два случая, когда я въ домахъ священниковъ, вызванный ими самими, предложилъ имъ, этимъ двоимъ, самые простѣйшіе вопросы, на которые и не получилъ почти никакого отвѣта. Діаконовъ и, такъ называемыхъ, псаломщиковъ, во второй годъ обзрѣнія епархіи попробовалъ было въ два-три случая въ домахъ испытывать. Но увѣрившись, что впрочемъ зналъ уже издавна, что таковые или никакого разумѣнія не имѣютъ, или не умѣютъ славянскія реченія выразить на російскомъ языкѣ, оставилъ. Случается иногдѣ изъ таковыхъ подвергнуть вопрошенію у себя дома, предлагая имъ во всѣ пять лѣтъ моего здѣсь пребыванія одинъ и тотъ же вопросъ: „Къ Коринфянамъ посланія св. апостола Павла чтеніе“—что это значитъ? Но и при этомъ получаю почти отъ всѣхъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: „апостоль написалъ... апостоль написалъ“... и больше ничего и это конечно послѣ приготовления къ отвѣту, потому что по всей епархіи извѣстно, что архіерей предлагаетъ все одинъ и тотъ же вопросъ. О всякомъ добромъ дѣяніи и добрыхъ качествахъ священника, замѣченныхъ при обзрѣніи епархіи я славлю и словесно и письменно на всю епархію и печатно на всю Россію. По прежней моей службѣ я вездѣ оставилъ по себѣ славу начальника, который бережетъ людей и слишкомъ да-

лекъ отъ желанія губить ихъ. Близкіе мои хорошо знаютъ и здѣсь, что мои гнѣвныя, конечно, словесныя (никогда драчливыя, не ругательныя) вспышки терзаютъ меня самого, а нужда наказатъ человѣка мучить меня нерѣдко по нѣскольку сутокъ. Вѣдь теперь между духовенствомъ народились и упорствующие, которые не легко поддаются и наказаніямъ. Почему бы не желать и самому жить въ покоѣ? Почему бы не избѣгать современной борьбы за существованіе? Но вопреки чувству самобереженія исполняешь тягостный долгъ начальника-архипастыря.

По анониму я „властолюбивъ“.— „Черта характера, названная не подходящимъ словомъ. Данную Богомъ, царемъ и церковью, власть я усиливаюсь держать твердою рукою; считаю необходимымъ это особенно въ наши дни шатающагося поведенія. Да, это правда. Я постоянно повторяю моимъ сотрудникамъ: „слабость есть отставка. Не хочешь въ дѣло власть употреблять, популярности добиваешься, долженъ оставить службу“.

„Хвалитися не подобаетъ ми“, но защищать архіерейскую честь, когда ее предъ всѣмъ свѣтомъ попираютъ,— „это прямой архіерейскій долгъ, и убѣжденъ, что всякій здравомыслящій человѣкъ этотъ долгъ признаетъ“.

Сообщилъ Законоучитель Одесскаго Кадет. Корпуса,
Священникъ *Сергій Петровскій*.

16 Ноября,
1903 года.
